

ПОЛИНА МИНК

КТО
ПОЗВАЛ
МЕНЯ?

ИНОГДА ОНИ ПРОСЯТ ВЕРНУТЬСЯ...

Полина Минк
Кто позвал меня?

«Автор»

2024

Минк П.

Кто позвал меня? / П. Минк — «Автор», 2024

После аварии, унесшей жизни родителей Эммы пять лет назад, часть событий безвозвратно выпала из памяти. Теперь девушку еженочно преследуют странные пугающие сны. Она не теряет надежды вернуться к нормальной жизни в новом городе. Но внезапно ей звонит старшая сестра, с которой Эмма давно не общалась. Наташа умоляет ее вернуться в поселок Синяя Заводь как можно скорее, ведь ей необходимо что-то передать младшей сестре. Но вместо Наташи Эмму встречают пустой дом и бордовые капли в спальне. А по ночам здесь творится нечто необъяснимое. Куда пропала сестра? И почему Эмме кажется, что все соседи здесь немного не в себе?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Полина Минк

Кто позвал меня?

Глава 1

1 июня, суббота

– Эти сны вас пугают? Почему вы так жаждете от них избавиться? – женщина наконец оторвалась от бумаг, сняла узкие очки для чтения, цокнула ими об стол и подняла глаза на Эмму, выжидающе наморщив лоб.

Девушка, до этого замороженная разглядыванием родинок на скуле собеседницы и складыванием из них узоров, встрепенулась, выпрямилась и робко заговорила:

– Ну-у... По-разному. Некоторые мне даже нравятся. То есть нравились... поначалу, – поправила она себя. – Кажется, они помогают сбежать от реальности в другую жизнь. Дают чувство, что там меня всегда кто-то ждет. А еще... я надеялась, что, возможно, они имеют отношение к моему прошлому. Думала, благодаря снам со временем смогу что-то вспомнить.

Перед глазами тут же встал образ молодого человека со светлыми глазами и открытой улыбкой.

– Но это не помогло?

– Нет, – вздохнула Эмма и опустила голову, вперившись взглядом в унылый темно-зеленый ковролин.

Ну и интерьерчик... Мебель, отделка стен, шторы не только собрали в себе все оттенки мрака и отчаяния, но и совершенно не сочетались друг с другом, не говоря уже об этом отвратительном тускло-желтом освещении. Разве обстановка здесь не должна как-то приободрять?

– Это временный кабинет, пока не закончится ремонт в новом. Там будет гораздо комфортнее, поверьте. Я только переехала в это здание, а рабочие подвели. Пришлось как-то выкручиваться. Пока что постарайтесь расслабиться.

Эмма понимающе кивнула и еще крепче вцепилась в сиденье кресла, стараясь при этом изобразить непринужденную улыбку. Она ведь ничего не сказала вслух. Неужели у нее все на лице написано? В свои двадцать четыре до сих пор не научилась следить за мимикой.

– Так что было дальше?

– Я запуталась, – развела руками Эмма. – Совсем перестала понимать, что реально, а что нет. Была ли во снах хоть какая-то доля потерянных воспоминаний? Или все это только жалкие попытки воображения найти покой, придумать себе лучшее прошлое... Мне часто снилась старшая сестра. Словно мы все время рядом и отлично ладим до сих пор. А в некоторых снах она звала меня, просила вернуться, остаться с ней. Этому хотелось верить, потому что мы и правда ладили в детстве. Было бы логично оставаться поддержкой друг другу. Сны были такими реалистичными. А на самом деле после смерти родителей сестра почти со мной не общалась, только по делу, очень сухо. Сейчас же изредка звонит убедиться, что я не умираю с голоду... И я не понимаю! Не помню, как и почему между нами все так резко изменилось. Наверное, это как раз и связано с аварией. Если она считает меня виноватой, то лучше бы так и сказала. Но Наташа с того самого дня убивала меня молчанием. – Девушка криво ухмыльнулась. – Знаете, будто у нее лимит на бесплатные слова. Избегала и сторонилась. Только и мечтала вытурить из дома поскорей. А потом... – Эмма замешкалась.

– Что потом? – Женщина сделала какую-то заметку у себя в блокноте.

Девушка смотрела в пространство перед собой, словно зацепившись взглядом за что-то невидимое для других, ее губы дрогнули дважды, будто она вот-вот собиралась заговорить, но не прозвучало ни слова.

– Эмма, не обязательно рассказывать сразу все. Просто скажите, если вам хотелось бы сменить тему. Но чем больше подробностей я узнаю, тем легче мне будет вам помочь.

Девушка встряхнула головой, и ее взгляд снова ожил, прошел сквозь невидимое препятствие в воздухе и достиг собеседницы.

– Потом сны стали превращаться в кошмары. Все, что начиналось, как нечто, напоминающее нормальную жизнь, где есть место радостным моментам, теплу, заботе, любви... все заканчивалось невыносимым ужасом. Любой сон о родителях заканчивался аварией. Улыбающееся лицо сестры вдруг искажалось, деформировалось, становилось уродливым, пугающим. И я просыпалась в поту.

– Как часто вы видите эти сны?

– Каждую ночь. По крайней мере, в последнее время. Как я уже говорила, я начала их видеть после аварии. Сначала примерно раз в месяц, и это не казалось слишком уж странным после такой трагедии. Да и все убеждали меня, что это временно. Но потом кошмары стали сниться уже раз в неделю и еще чаще, а теперь и дня без них не проходит. Прошли годы, и на время надеяться уже не приходится.

Женщина поджала губы, вновь нацепила очки и принялась перечитывать что-то в медицинских документах. Эмма тем временем силилась вспомнить, как зовут ее нового врача. Инициалы на бейджике мало помогали. В.А. Виктория Андреевна? Вера Антоновна? Не называть же ее доктор Звездунова...

– Ранее вам назначали антидепрессанты и анксиолитики. Почему вы перестали их принимать?

Эмма пожала плечами.

– От них не было никакого толка. Точнее, первое время они и правда успокаивали. Только, как бы сказать, не в хорошем смысле...

– Интересно... – В.А. поправила указательным пальцем очки.

– Да. Вместо комфорта я чувствовала вялость, подавленность. Словно меня лишили возможности чувствовать, а отрицательные эмоции и тревога никуда не исчезли. Они просто не могли найти выход, будто их плотно утрамбовали и затолкали в самый подвал души. И в какой-то момент эти запертые чувства начинали прорываться наружу, и тогда настигали меня бурным потоком – неконтролируемым, разрушающим все на своем пути. Как пружина, которую сжимали, сжимали, а она раз – и резко расправилась, отскочила тебе прямо в лоб с новой силой. Тогда я могла без особого повода прорыдать всю ночь или сорваться на близкую подругу из-за пустяка, которому раньше бы не уделила внимания. И еще появились побочные эффекты: учащенное сердцебиение – приступами и такое сильное, что, кажется, сердце сейчас выпрыгнет из груди, даже болезненное. И панические атаки, которых раньше не было.

Эмма остановилась, но В.А. продолжала внимательно на нее смотреть.

– Мы работаем вместе... С подругой, – добавила Эмма неловко, лишь бы заполнить паузу. – Вот я и подумала, что недостаточно просто притупить эмоции. Дело во снах, – она покраснела, вдруг осознав отсутствие логической связи между последними фразами; опять мысли пошли вскачь от волнения.

– Что ж, Эмма. Мне нравится, что вы начали говорить так откровенно и эмоционально. Не стесняйтесь выражать свои чувства. Это уже пятьдесят процентов успеха. Путь к выздоровлению начат. – Врач ободряюще улыбнулась. – А лекарства, прописанные ранее, действительно вам не подходят. Что касается снов, вы совершенно правы. Ночью нужно высыпаться, а не переживать накопленные страхи заново в ярких образах.

Не может быть! Наконец кто-то с ней согласился.

– Я выпишу вам новый препарат, более современный и с минимальной вероятностью побочных эффектов. Лекарство улучшит качество сна и, в частности, его медленной фазы – без сновидений. Также я распишу для вас рекомендации относительно режима дня, физических и умственных нагрузок. Очень важно отходить ко сну в одно и то же время, а также спать в полной темноте – особенно следует избегать холодного белого и голубого света ламп и гаджетов. Вы ложитесь до одиннадцати вечера?

– Стараюсь, но бывает, что и засижусь допоздна, особенно в выходные... – ерзая на кресле, призналась Эмма, ей никак не удавалось найти удобное положение, гладкая кожаная обивка под влажными ладонями издала характерный скрип.

– Люди зря так легкомысленно к этому относятся. Поверьте, время отхода ко сну имеет гораздо большее значение, чем кажется. А в вашей ситуации может сыграть решающую роль и даже сработать эффективнее таблеток. Все дело в гормонах. Чтобы почувствовать себя отдохнувшей, достаточно семи часов хорошего, крепкого сна, но это возможно только если вы спите в правильное время и в подходящих условиях. Давайте договоримся, что полночь – самый крайний вариант. – В.А. строго взглянула на нее поверх очков.

– Я поняла. Обязательно исправлюсь.

– У вас остались вопросы?

– Нет, спасибо, Вера Александровна, – все-таки рискнула Эмма, решившись положиться на интуицию.

– Лучше просто Вера, – второй раз за сеанс улыбнулась женщина. – Тогда начинайте принимать препарат, следуйте рекомендациям и ни о чем не беспокоитесь. Увидимся с вами... – женщина кивнула на перекидной календарь на столе, – в среду?

– К сожалению, в среду я не смогу. Много дел на работе. – На самом деле Эмме просто не хотелось возвращаться сюда так скоро, требовалось время, чтобы все переварить, вновь привыкнуть к регулярным посещениям психотерапевта.

– Хорошо. Тогда снова в субботу? Или в какой день вам удобно? Но не позже, чем через неделю. А лучше бы и пораньше. Все же вы будете принимать серьезный препарат, важно тщательное наблюдение.

– Давайте в субботу.

Вера повернулась к экрану компьютера справа от нее и сделала отметку.

– Если что-то понадобится, я всегда на связи. Не стесняйтесь звонить.

Попрощавшись, Эмма вышла из кабинета в крохотную комнату ожидания с пустующей стойкой администратора и единственным ожидающим, который, прикрыв глаза, нервно бормотал себе что-то под нос и промакивал платком вспотевшую лысину. Пробежала по коридору, преодолела три этажа вниз по широкой лестнице многоэтажного офисного здания, постукивая твердыми подошвами босоножек по бетонным ступеням, прошла через вестибюль, кивнула усатому охраннику «до свидания», распахнула тяжелые двустворчатые двери и полной грудью вдохнула теплый июньский воздух, наконец ощутив свободу.

Она успела возненавидеть подобные консультации, потому что приходилось выворачивать душу наизнанку и при этом никто не гарантировал результат, но выбор был невелик. Особенно волнительной всегда оказывалась первая встреча с врачом, когда необходимо было пересказать всю историю заново – от начала и до конца. Каждый раз нужные слова подбирались со скрипом, с сомнениями, умозаключения и логические связи путались в голове. Достаточно ли ясно она выражает свои мысли? Правильно ли ее понимает врач? Действительно ли внимательно слушает и хочет помочь? Это был уже третий психотерапевт за последние четыре года, если не считать тех, знакомство с кем ограничивалось первым сеансом.

Посттравматическое расстройство, частичная амнезия, депрессия, нарушения сна, панические атаки. Последний курс терапии длился почти год, она доверилась специалисту и хотела

дойти до конца, схема лечения пересматривалась не раз, но изменений к лучшему не происходило, вместо них появлялись лишь побочные эффекты и новые неприятные симптомы.

И вот, после полугодового перерыва сны настолько доконали ее, что Эмма решила попробовать снова, в последний раз. Должно же быть решение, которое положит конец всей этой неразберихе. Наверняка где-то есть чудодейственная таблетка, волшебное слово или идеальный для нее врач, просто она их еще не нашла.

Так что теперь девушка испытывала смешанные, противоречивые чувства: и досаду оттого, что снова в это ввязалась, и гордость, что наконец решилась дать себе еще один шанс, сделать хоть что-то, способное помочь выбраться из адского круга.

Пройдя до конца тротуара, она завернула за угол, подошла к окошку точки «кофе с собой» и заказала большой стакан ванильного капучино. Врач не рекомендовала пить больше трех чашек кофе в день, особенно перед сном. Но до вечера было еще далеко, и она заслужила вознаграждение.

Эх. Надо было предупредить бариста, что крышечка ей не нужна, Эмма любила пить через край. А сейчас задумалась и забыла. Но теперь уже поздно. Она тут же сняла и отправила ненужный кусок пластика в рядом стоящую урну и пообещала себе в другой раз быть расторопнее и ответственнее. Как всегда, первым делом она с наслаждением окунула губы в сладкую воздушную пенку и, прикрыв глаза, втянула первый маленький глоток. Бесценное ощущение.

И все-таки сегодня она молодец. Решилась снова бросить вызов своим страхам, как и полагается взрослой и независимой современной девушке. В этот раз она обязательно справится.

Спокойным шагом Эмма направилась к станции метро Тимирязевская, чтобы сесть на поезд. Хотя, может, лучше пройтись пешком? До Дмитровской всего одна остановка. Так она и сделает! Перейдя Дмитровское шоссе по подземному переходу, она двинулась мимо торгового комплекса к зеленой улице Костякова, по которой было так приятно гулять, наблюдая за проезжающими трамваями. И подумала, что неплохо было бы забежать в старый кинотеатр «Искра» за стаканом попкорна.

Первый день июня выдался ясным и солнечным, хотя до этого всю неделю лил дождь. Сегодня Эмма наконец-то смогла надеть новое оранжевое приталенное платье с узором из крупных цветов и расклешенной юбкой до колен, которое купила еще в мае, и изящные серо-голубые босоножки на плоской подошве.

Правда, теперь приходилось тщательно обходить лужи, время от времени попадающиеся в выбоинах на тротуаре.

– Ой! – вскрикнула она и едва успела отскочить от обочины, когда какой-то лихач у пешеходного перехода чуть не окатил ее коктейлем из воды, дорожной грязи и тополиного пуха.

Повезло. Она только что избежала участи превратиться в мокрого цыпленка. И все же несколько капель кофе выплеснулись из стакана и украсили грудь. Вместо того, чтобы поддаться первому порыву выругаться, Эмма почему-то рассмеялась, выудила из сумочки влажную салфетку и принялась оттирать пятнышки.

– Милая девушка, может, вас подвезти? – из окна притормозившей рядом красной хонды на нее глядело восторженное лицо симпатичного брүнета.

– Нет, спасибо. Мне тут недалеко.

– Ну, как знаете. Хорошего дня. – Подмигнув, он поехал дальше.

Вот так всегда. Стоит надеть яркое платье и добавить к нему хорошее настроение, как повышенное внимание обеспечено. Только сейчас ей совсем не до знакомств, есть дела поважнее. И где все эти кавалеры и рыцари, когда они по-настоящему нужны? Перенести мебель, например, дотащить тяжелый чемодан, отремонтировать ноутбук...

Закончив с пятнами, Эмма подняла взгляд и заметила аптеку на другой стороне дороги. Точно. Надо купить лекарство.

– А рецепт у вас есть? – зевнув, спросила седая дама-фармацевт.

«Бедненькая. Тоже, наверное, плохо спит», – подумала Эмма.

– Да, конечно. Сейчас. Вот он. – Эмма достала из кармашка сумочки и развернула маленький желтоватый лист бумаги с печатями и длинной надписью на латыни.

– Пожалуйста. С вас две тысячи пятьсот пятьдесят четыре рубля.

Ничего себе. Вот тебе и современный препарат. Семь тысяч за прием, две с половиной тысячи за лекарство. Ходить нужно минимум раз в неделю. А она так надеялась на приличный отпуск, да и телефон давно бы пора обновить.

Впрочем, ладно, здоровье важнее, да и упаковка большая, их надолго хватит. Главное, чтобы помогли и не пришлось снова менять...

Эмма приложила карту к терминалу, взяла упаковку и застыла, сжимая ее в руках.

Хорошее настроение мигом испарилось. Правильно ли она поступает? До сих пор она считала, что вся эта химия принесла больше вреда, чем пользы.

Последний раз. Она обещает себе попробовать в последний раз.

– Девушка, вам что-то еще? Очередь же.

– А? Нет. Спасибо. Простите, – вжав голову в плечи, быстрыми семенящими шагами она отошла от кассы.

Шагомер показывал десять тысяч триста тридцать два шага, когда Эмма подошла к своему подъезду. Неплохо. Но можно еще и по лестнице подняться. Эмма жила на шестом этаже и старалась реже использовать лифт. Но последние два месяца ленилась. А сейчас, когда врач посоветовала включить в режим ежедневные умеренные физические нагрузки, старая привычка снова стала актуальной.

Добравшись до квартиры, она остановилась, чтобы отдышаться. Надо же. Запыхалась, пройдя шесть этажей. А в прошлый раз ей это давалось легко. Слишком давно был этот прошлый раз. Совсем растеряла форму.

Когда ключ начал поворачиваться в замке, из-за двери уже послышался писклявый собачий лай. Эмма вошла в квартиру и тут же подверглась любовной атаке крошечного лопухого чихуахуа.

– Йоши! Ай, осторожно. У тебя такие острые когти!

Щенок прыгал Эмме на ноги, виляя хвостом и повизгивая от радости. Девушка взяла его на руки, а тот забрался передними лапами на плечо и принялся облизывать ей лицо, время от времени покусывая мочку уха тонкими зубками, отчего становилось щекотно и по шее бежали мурашки.

– Ну все, хватит, хватит. Я тоже тебя люблю. Смотри, что я тебе принесла? – Эмма порылась в сумке и достала собачье лакомство в виде маленькой косточки. – Видишь? Вкусняшка.

Эмма бросила косточку на пол, а Йоши тут же наступил добычу и принялся хрустеть.

Девушка оглядела коридор и вздохнула, увидев маленькие клочки одноразовой пленки, разбросанные по всему полу. Йоши только исполнилось пять месяцев. Эмма взяла песика два месяца назад, и его еще многому предстояло научить. Заводчица и по совместительству клиентка ее магазина посетовала, что никак не может отправиться в отпуск, потому что никто не забирает последнего щенка из помета. И Эмма, взглянув на лохматое чудо, не устояла. К тому же понадеялась, что животное в доме будет отвлекать от грустных дум. И дел прибавится, останется меньше времени на самокопание. В одном она была абсолютно права – дел правда прибавилось. И все же она ни о чем не жалела.

Эмма скинула босоножки, влезла в мягкие домашние тапочки, достала из угла веник, совок и подмела пол. Сменила воду в миске, насыпала сухого корма, протерла лужу, которую не сразу заметила, помыла подошву тапочек, в которых вляпалась в ту самую лужу, оставила их сохнуть в прихожей, босиком прошла в гостиную и плюхнулась на мягкий диван. Часы на стене показывали четыре пятнадцать.

Взгляд упал на нетронутую бутылку игристого на тумбочке возле телевизора, оставшуюся еще с ее дня рождения, который был четвертого мая. Тогда Виолетта спасла ее в очередной раз от самой себя: настояла, что нужно отметить праздник, принесла две бутылки и торт. Подруги вместе нарезали салаты. Душевно посидели, поболтали, посмеялись, потом проревелись...

Эмма снова вздохнула, взяла со стола лавандовую ароматическую свечу, поднесла к носу, втянула запах, повертела в руках. Задумалась. Лекарство с алкоголем не сочетается, не скоро получится еще что-то отпраздновать. Может быть, только через год, а может и больше. Придется убрать с глаз подальше.

Хотя... Она ведь и так много сделала, сегодня она просто молодец. Так что начнет курс с понедельника, а этим вечером можно и расслабиться под хороший фильм.

Глава 2

2 июня, воскресенье

Незнакомец смотрел на нее манящим взглядом, соблазнительно, почти плотоядно. Широко улыbnувшись и закусив нижнюю губу, молодой человек двинулся в ее сторону.

Эмма стала отступать, при этом не оборачиваясь и не выпуская его из виду. Она старалась удерживать зрительный контакт, как и следует действовать с хищником, но через три шага уперлась спиной в деревянную стену.

– Сама меня позвала, а теперь чего испугалась?

– Кто ты?

Ухмыльнувшись, будто не слыша вопроса, он на миг склонил голову, поймал ее руки и, переплетя пальцы, крепко прижал свои ладони к ее.

Эмма оцепенела. От самой макушки вниз электрическими разрядами побежали шок, беспокойство и страх. Незнакомец был слишком напорист и непредсказуем. Девушка не знала, чего от него ожидать и боялась сделать хуже неосторожным движением. Но по пути неприятные ощущения от бесцеремонных прикосновений теряли суровость, смягчались и вот уже сулили вызвать привыкание, оставаясь теплом в животе. Она, кажется, начала вспоминать...

Молодой человек смотрел на нее неотрывно пронизательными голубыми глазами. Он выжидал. Этот взгляд завораживал, гипнотизировал, сковывал ледяной прозрачностью светлой радужки и отогревал бледно-желтыми лучами вокруг таинственных темных звезд зрачков, в которых стало страшно пропасть. Поэтому Эмма, не выдержав, спрятала глаза, а тело предательски задрожало.

Он поднял ее руки, мягко согнув в локтях, прижал кисти к стене над плечами, тем самым предлагая сдаться. Эмма приняла игру и не стала сопротивляться. Молодой человек действовал уверенно и плавно, без резких движений, словно медлил намеренно, дразнил, но явно не пытался причинить ей вреда. Интерес, азарт и странная томная нега овладели всем существом, притупляя другие эмоции.

Уняв дрожь, Эмма наконец собралась с духом, подняла ресницы и посмотрела на него с вызовом, чуть вскинув подбородок, словно спрашивая: «Ну? И что дальше?»

Молодой человек обхватил оба ее запястья одной рукой, провел большим пальцем по нижней губе и поцеловал тягуче, горячо, чувственно.

Тогда в груди что-то перевернулось. И все встало на свои места. Сознание прояснилось окончательно. Конечно! Это же он. Вот глупая! Не узнала. Все это уже было. И это вовсе не дежавю. Ощущение такое же необычное, поразительное, но совсем иное. В его объятиях она чувствует себя как дома. Несомненно, она знает его. Эмма очень хорошо его знает.

Наконец она расслабилась, полностью отпустила контроль и со всей готовностью отдалась нахлынувшим теплым чувствам.

Больше он вовсе не был похож на хищника. Эти мягкие губы, по-щенячьи округлые глаза, этот ласковый голос.

Сильные руки гладили плечи Эммы, пока ее ладони скользили по твердым мышцам спины, крепким бицепсам. Подушечками пальцев она ощупывала и узнавала каждый бугорок на его теле, тихие стоны наполняли помещение. Эмма прижимала его к себе, как самого родного человека на свете, держалась как за спасательный круг посреди уносящего ее безумного шторма. Она жаждала его тепла, она ждала его...

– Давай будем вместе всегда, – горячий шепот обжег мочку уха и растворился в воздухе, затих.

Стало темно. На коже остывали яркие следы мистических прикосновений, сменяясь мягкостью простыней, уютными и неприятными объятиями летнего одеяла. Улетучился запах дерева и хвои, уступив место лаванде и хрусткому аромату свежестиранных наволочек.

Эмма сладко потянулась и открыла глаза. Ее самый любимый сон. Сон, у которого нет начала и конца. Единственный, который до сих пор не превратился в кошмар. Тот, о котором она ничего не стала говорить врачу, сохранив нетронутым, недоступным для чужой оценки, как нечто сокровенное, ускользающее, хрупкое.

Кто к ней приходит? Только та Эмма из прошлого хорошо знала ответ. Это был ключ. Но только ей известно, от какой он двери. Никто другой не способен помочь. Вот бы вспомнить и ей, сегодняшней Эмме. Но как разбудить, достучаться, найти беглянку, как снова стать одним целым? Вот бы опять почувствовать себя как дома, узнать былую уверенность и спокойствие, спрятанные чувства, доступные теперь только там, во сне, за темной пеленой подсознания, и то на короткий миг. Как ей снова стать самой собой?

Она опять задумалась о том, чтобы вернуться в старый дом, в поселок Синяя Заводь, где жизнь перевернулась с ног на голову раз и навсегда. Найти ответы или тех, кто может их дать. Эмма уже почти решилась, но в ту же секунду ее настигла тревога. Кто этот человек... Настоящий ли он? Он любил ее? Если да, то почему не ищет? Может, он тоже погиб? Или просто бросил ее, отказался, забыл? А что, если его никогда не было? Если он всего лишь плод воображения, наивная женская фантазия о настоящей любви, чтобы совсем не сойти с ума.

Страх снова ворвался в сердце и наполнил его до краев, грозя устроить потоп.

Нет. Нельзя поддаваться. Дышать размеренно. Досчитать до десяти. Спокойно. Глубокий вдох. Медленный выдох. Не думать. Не пытаться вспомнить.

Кажется, полегчало.

В горле только совсем пересохло. Конечно, она ведь почти опустошила вечером бутылку игристого в одиночку.

Эмма потянула руку к тумбочке и случайно столкнула стакан с водой.

– Черт!

Все расплескалось, но хотя бы стакан не разбился. Она нехотя приподнялась, села в кровати и опустила ноги на пол, попав пятками прямо в прохладную лужу.

– Ну вот. Молодец. Освежиться не помешает. Зато теперь совсем проснулась, – сказала она вслух и оглядела комнату в поиске доказательств ее реальности.

Йоши заворочался где-то внизу под одеялом и недовольно заворчал.

Да. Она точно в своей квартире. Ночник на полу бросает некрасивые тени от изголовья кровати, стула и мягких игрушек на стены и потолок. Эмма ставит его туда, чтобы свет не бил в глаза, врач ведь вообще велела спать в полной темноте, но вряд ли врач жила одна в пустой квартире после гибели родных и всерьез понимала, о чем просит.

Пожалуй, она включит верхний свет. Совсем ненадолго. Эмма подняла с пола стакан и прошлепала босыми мокрыми стопами к выключателю у двери. Так-то лучше.

Три часа ночи. Она только ходит в туалет, попьет воды на кухне и ляжет обратно. А лужа? Плевать. Лужа сама высохнет к утру.

Эмма прошла по короткому коридору, стараясь не заглядывать в зеркало на стене. Просто на всякий случай. Ночами в зеркалах может померещиться всякое. В темноте ей часто кажется, что кто-то идет по пятам и дышит в затылок. Так что оборачиваться лучше тоже не стоит.

Выпив стакан залпом, Эмма бегом вернулась в спальню и запрыгнула в постель. Подтянув вновь потревоженного Йоши поближе к подушке, прижала к груди и стала гладить по голове, причитая:

– Тсс, все хорошо. Я больше не буду шуметь, обещаю.

Только теперь, уже лежа в постели, она осознала, что все-таки забыла выключить свет. Ну ничего, одну ночь можно поспать и так. Не вставать же теперь, когда так уютно устроилась.

Она снова погрузилась в сон на удивление скоро, Йоши удалось опередить ее всего на пару минут.

На этот раз ей приснились родители.

Одно из самых ранних и счастливых воспоминаний во всех красках и деталях. Маленькая Эмма сидела на высоком стуле и качала ножками. Облокотившись на круглую деревянную столешницу и прижавшись щекой к сложенным вместе рукам, она жмурилась от яркого света летнего солнца. То настырно глазело в незашторенные окна эркера, где располагался стол, и отказывалось покидать их уютный семейный завтрак.

Мама, круглолицая, совсем еще молодая с мягкими ореховыми кудрями, собранными заколкой на затылке, жарила любимые оладьи, стоя у плиты в салатовом фартучке поверх сиреневого легкого сарафана. Она звонко подпевала попсовым песенкам, доносящимся из динамиков телевизора, – тем, что транслировали по музыкальному каналу, – и пританцовывала.

Короткий джинсовый комбинезон старшей сестры мелькал перед глазами, хаотично передвигаясь от серванта к столу, от стола к холодильнику, потом к буфету. Эмма следила за ней одними глазами, пока не закурилась голова. Наташе сейчас было лет двенадцать, а значит, Эмме – примерно шесть.

Папа, высокий – под два метра ростом – сухощавый мужчина с бородкой и короткими русыми волосами, зашел в комнату и поставил на стол новую банку растворимого кофе. Пришлось с утра пораньше сбежать в ближайший магазинчик, потому что обнаружилось, что гранул на доньшке предыдущей банки едва хватало на чайную ложку.

– Погода отличная, предлагаю после завтрака сходить на залив, – сказал он, одернув край зеленого поло, выпущенный поверх свободных бежевых шорт с накладными карманами.

Эмма расплылась в улыбке от предвкушения.

– Договорились. Сразу после того, как помоешь посуду. Не забыл, что обещал разгрузить меня в выходные и помочь с домашними делами? – Мама поцеловала его в колючую щеку.

– А? Ну да, конечно. Как забыть? – Отец рассеянно почесал в затылке.

Щелкнула кнопка электрического чайника, и папа принялся разливать дышащий паром кипяток по белым пузатым чашкам с серебристой каймой. В Эмминой и Наташиной уже красовались ароматные чайные пакетики и несколько листиков мяты и черной смородины. Кофе же Эмма еще не пробовала в силу возраста, а Наташа и вовсе не любила – он был для родителей.

– Разложишь сахар по чашкам, малыш? – попросила мама. – Ты ведь помнишь, кто как любит?

– Угу, – кивнула Эмма и положила себе и папе по два кубика, сестре один, а мама пила кофе без сахара, худела.

Аромат на кухне стоял невероятный, уже не терпелось отведать сладких, хрустящих оладьев с прохладной сметаной, и Эмма сглотнула накопившуюся во рту слюну.

Когда на столе появились соусники со сметаной, сгущенкой и вишневым вареньем, она принялась переставлять их, чтобы занять руки, менять местами, пока они не продолжили двигаться сами, все быстрее и быстрее, перед глазами поплыло, закружилось, белый смешался с вишневым и вскоре в нем потонул. А Эмма вместо мягкой сидущки стула ощутила под пятой точкой жесткий шершавый асфальт.

Разбитая коленка ныла. Уже постарше, девочка сидела посреди дороги, глядя на свежую ссадину сквозь застилающие глаза слезы.

Наташа подбежала и начала было отчитывать ее за сломанный велосипед, еще и взятый без спроса, но вдруг спохватилась, опустилась рядом на корточки и крепко прижала к груди.

– Ну же, маленькая моя. Не плачь, моя Мими. Все быстро заживет. Давай, цепляйся за шею, отнесу тебя в дом...

Дальше обрывки воспоминаний разного времени стали сменять друг друга с невообразимой скоростью.

Младшая школа, лица одноклассников, хулиган Максим рассыпает ее фломастеры, поход в цирк в выходные, мамин куриный бульон, когда Эмма снова слегла с ангиной, катание на лошадях, папа запускает воздушного змея на пляже, всей семьей они куда-то едут по дороге через поле, последние экзамены, табель, выпускной, цветы, изящное рубиновое платье... сильный удар, крики, скрежет и лязг металла.

Мир бешено замельтешил перед глазами, земля, небо, деревья слились в безумном роковом хороводе.

Стало трудно дышать. Эмма обнаружила себя зажатой вниз головой в перевернутой машине позади водительского сиденья.

Боль настигла ее не сразу. Сначала Эмма оглохла. Не слышала ничего, кроме взявшегося не пойми откуда пронзительного тонкого писка в голове. И теперь время словно замедлило ход.

Она видела, как мама, захлебываясь в собственной крови, отчаянно открывала рот, что-то пыталась сказать. Тянула к ней руку с пассажирского сиденья впереди.

– Мама, мама! – силилась выкрикнуть Эмма, но не слышала собственного голоса.

Затем что-то темное, могущественное, злое пронеслось перед глазами и перехватило мамину руку, отдернуло и забрало себе, разделив их навсегда.

Эмма вскинулась на кровати и распахнула глаза. Хриплое, частое дыхание свистело в легких, доводя до спазмов в груди. Паника, взявшая верх, глумилась над телом и разумом. Умываясь слезами, Эмма силилась закричать, выдохнуть, выдавить эту боль до капли, но вдохи и выдохи получались неполными, короткими, жесткими, ранищими. Мышцы сводило, дымчатая пелена перед глазами не желала расступаться. В голове все еще звенело, словно она вытаскивала этот звук из сна, принесла с собой сюда, в свою комнату, в свое настоящее.

Сны незаметно подкрались к ее реальности, шагнули через грань и стали оставлять здесь заметные следы – землистой краской на лице, шумом в ушах, слабостью в теле, ворохом мыслей, вечно занимавших рассудок и не дававших сосредоточиться на важных делах. Все это она безотказно забирала из них с собой, цепляясь за каждую возможность вернуть стертые из памяти два года. Только хорошее забрать не получалась, нельзя было забрать оттуда родных.

Прошло уже столько времени, но стало только хуже.

Что-то горячее коснулось щеки, еще и еще раз, в уши проникло взволнованное поскуливание, маленькие коготки зацарапали по плечу, звон затих.

Зрению стала возвращаться ясность. Пушистая рыжая морда в пяти сантиметрах от ее лица испуганно таранилась на хозяйку огромными испуганными глазами, хвост с белым кончиком несмело вильнул.

– Йоши, – выдохнула Эмма, и пушистый комок запрыгал рядом, словно пытаясь вскарабкаться ей на голову.

Мышцы вновь стали мягкими и податливыми. Эмма рухнула обратно, на подушку.

Попискивая и ворча, чихуахуа покрутился рядом с ухом и улется клубочком в теплое гнездо из Эмминых шеи и плеча.

Утро тихо просачивалось сквозь тонкие темно-розовые шторы и заливало комнату нежными рассветными лучами.

Прозвенел будильник, стандартно запланированный на восемь, чтобы хватило времени собраться не спеша.

Эмма чувствовала вялость, разбитость, желание исчезнуть. В глубине головы привычно ныло. Встать и тащиться на работу не было никакого желания, не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать, а еще меньше хотелось, чтобы кто-то видел ее. Но выйти сегодня придется.

Девушка прикрыла глаза, окончательно успокоила дыхание, поднялась с постели и направилась напрямик в коридор, к комоду, на котором вчера оставила свою маленькую кремовую сумочку – за первой таблеткой.

Глава 3

Колокольчик на двери оповестил о ее прибытии.

Виолетта, которая раскладывала на стенде подушки с набивкой из душистых трав и сухоцветов, подняла голову:

– Привет, соня! У тебя что, часы отстают? Я уж думала, до вечера тебя буду ждать.

– Разве? – Эмма сверилась с часами на стене. – Время десять, как и договаривались. –

Она озадаченно посмотрела на подругу.

– Попалась, – подмигнула та и прищелкнула языком.

Девушки открывали и закрывали магазин по очереди. Сегодня Эмма пришла чуть позже, зато Виолетта раньше освободится.

– Так, значит? А я тебе еще круассан по дороге захватила. Теперь, пожалуй, съем все сама, – Эмма демонстративно пронесла крафтовый бумажный пакет прямо у лица Виолетты и направилась в подсобку.

– Подожди-подожди, Эммочка! – Она потянулась носом за источником манящего запаха свежей выпечки. – С какой начинкой?

– Твоя любимая.

– Карамельная? – с надеждой в глазах уточнила Виолетта.

– Угу, с посыпкой из миндальных лепестков. – Эмма подняла круассаны над головой, дразня подругу.

Виолетта подскочила и ловким движением руки выхватила шуршащий пакет.

– Можно? – она указала глазами в сторону подсобки.

Эмма рассмеялась.

– Иди уже!

– Я почти все разложила, осталось так, по мелочи. Сама посмотри, где есть незаполненные места, а если нет, не загромождай, добавим по мере раскупки. – затараторила она. – Пол, кстати, тоже протерла, кассу открыла... – Виолетта нахмурилась и завела темные глаза к потолку, что-то припоминая. – Ах да, в отделе с украшениями полный бардак, кто-то спутал все веревочки у кулонов. Можешь пораспутывать их за кассой? И, наверное, надо заменить на что-то другое, пока посетителей нет. Добавить браслетов, например...

– Когда ты столько успела? Просто монстр, – заключила Эмма, обведя глазами магазин.

– Знаешь же, электровеник – мое второе имя. К тому же первую неделю никто не выдает мне мозг, надо было с ним раньше расстаться... Чувствую себя новым человеком. Столько энергии появилось! А ты, кстати, сегодня хорошо выглядишь. – Виолетта протянула свободную руку к лицу Эммы и убрала за ухо длинную русую прядь. – Даже посвежела.

– Шутишь?

– Честное слово.

– Ну тогда спасибо консилеру и новому ВВ-крему, забрала наконец из пункта выдачи, – с грустной улыбкой объяснила Эмма. – Если б они еще бодрости прибавляли...

– Опять плохо спала? – сочувственно проговорила Виолетта.

– Да иди же! Давай. А то все остынет, – перевела тему Эмма.

– Ладно, поболтаем еще попозже. – Виолетта махнула рукой и юркнула в короткий коридор, ведущий в подсобку, где стоял столик и диванчик, чтобы можно было расслабиться в перерывах от работы.

– Кофе-то! Кофе забыла! – крикнула вдогонку Эмма.

– Налей, пожалуйста. Как обычно, – донесся приглушенный голос.

Эмма осмотрелась и подошла к новенькой кофемашине в углу, достала из тумбочки под ней чашку Виолетты, подставила и нажала на кнопку. Кофемашина зашипела, застучала по доньшку, со звучным журчанием наполнила емкость до краев. Получив порцию добротного капучино, Эмма присыпала белоснежную пенку корицей.

Девушки установили машину всего полгода назад. Сначала думали купить небольшую, только для себя, а потом решили, что, возможно, посетители тоже не отказались бы от бодрящего напитка, и не ошиблись. Подругам как раз совсем не мешал дополнительный доход.

Так здесь появилась маленькая зона отдыха из двух кресел, пары пуфиков, журнального столика с вазой печенья и мини-библиотеки с несколькими десятками книг, расставленными на аккуратном стеллаже в полметра длиной.

К тому же, акция «кофе в подарок при заказе от двух тысяч» увеличила процент крупных чеков.

Не сказать, что магазинчик с травяными чаями, кремами и шампунями, соляными бомбочками для ванной, фигурными свечами, аромамаслами, декоративными игрушками и прочими уютными вещичками был для них золотой жилой и источником несметных богатств, но все же труды окупались, на жизнь хватало.

Зато он стал своего рода отдушиной для Эммы, еще когда они с подругой устроились сюда продавцами по окончании первого курса универа, думая, что работа временная.

Эмма была чувствительна к запахам, любила эстетичные предметы интерьера и даже одно время сама делала хендмейд-свечи и ароматические саше, которые бывшая хозяйка Ира с радостью принимала на продажу за небольшой процент.

Лето прошло, а девчонки, успевшие сдружиться с Ириной, так и остались работать на полставки. А спустя четыре года и вовсе выкупили магазин, ведь хозяйка решила выйти замуж и переехать. Ира торопилась и сделала большую скидку проверенным работницам.

Теперь, когда студенческие годы остались позади, времени стало больше, а карьера биолога никого из них не привлекала, Виолетта и Эмма управляли магазином вдвоем и продолжали обслуживать покупателей четыре дня в неделю, а в остальные дни их сменяли нанятые девушки-консультанты.

Подруги обожали друг друга, устраивали невинные подколы, смеялись над собой, делились сокровенными мыслями и были друг за друга горой. Хотя в жилетку старались плакать как можно реже. Виолетта во многом понимала Эмму, хотя у нее была жива мама, девушка ведь тоже потеряла отца.

Они были рядом с первого курса и сразу на удивление легко нашли общий язык. Две девушки с экзотическими именами и аппетитными фамилиями Пекарева и Пирогова даже получили от одногруппника забавное прозвище «пэпэ» – одно на двоих.

Жаль, с родной старшей сестрой у Эммы таких близких отношений не сложилось. Вот бы поменять их местами...

Среди разнообразия трав и чарующих ароматов ей иногда нравилось представлять себя и Виолетту двумя добрыми сестрами-ведьмочками, для которых приоткрыто чуть больше тайн этого мира, словно в фильме «Практическая магия» с Сандрой Баллок и Николь Кидман.

Хотя Виолетта и была обладательницей густых и длинных иссиня-черных волос, она бы, скорее, подошла на роль рыжеволосой Николь – шустрой, решительной, влюбчивой, чья энергия всегда была ключом, а жизнь изобиловала приключениями.

Себя же Эмма скорее видела на месте героини Сандры – мечтательной, стремящейся к уюту и спокойствию домашнего очага. Хотя с ее волнистыми русыми волосами внешне Эмма не походила ни на ту, ни на другую. Какая-то неведьма.

Конечно, все это было лишь игрой и способом настроиться на позитивный лад. При ее-то обстоятельствах Эмма не видела панацеи ни в ароматерапии, ни в траволечении и уж тем более в зельварении и прочих магических выдумках.

Разве что девушка пользовалась базовыми особенностями трав и ароматов: гвоздика, например, прекрасно справлялась с комарами, и девушка давно отказалась от антимоскитных спреев и фумигаторов в ее пользу, масла ели и пихты облегчали легкие симптомы простуды, а лаванда... многие хвалят ее за успокаивающий эффект, но Эмме она просто нравилась.

В любом случае в магазине девушке становилось гораздо легче, чем дома, в пустой квартире...

– Подскажите, какие свечи лучше взять для романтического свидания? – зардевшись, тихо поинтересовалась юная покупательница.

– Противозачаточные, – шепнула на ухо проходящая мимо Виолетта, и Эмма еле сдержала смешок.

– Смотря какого эффекта вы хотите добиться. Идите за мной, – Эмма эффектно провела рукой над длинной деревянной полкой и подняла красную шарообразную свечу. – Вот эта, с пачули, – мощный афродизиак, быстро разбудит огонь страсти в обоих партнерах. А если вы только на начальном этапе знакомства, то оранжевая, со смесью сладких цитрусовых, взбодрит и создаст атмосферу непринужденного, дружеского общения... Вон та, бледно-желтая, с пальмарозой настроит на доверительный лад, поможет расслабиться и узнать друг друга поближе. Зеленая, с ароматом сосны сделает решительнее даже самого робкого кавалера...

Девушка выбрала сразу три – пригодятся на будущее – и ушла, полная надежд. Эмма же взяла с нее обещание зайти позже и рассказать, как все прошло.

– Коллега посоветовала наносить на кожу масло эвкалипта для выравнивания и отбеливания кожи. Я купила его у вас, – пожаловалась женщина средних лет, демонстрируя маленькую коробочку. – Но ведь оно так жжется. Я только начала – и вот, сами посмотрите, какое красное пятно осталось. – Она указала себе на висок, голос нервно подрагивал. – Может, у меня аллергия? Или вы тут контрафактом торгуете?

– Что вы! Эфирные масла нельзя наносить на лицо в чистом виде. Это написано в инструкции. Только добавлять пару капель в уходовый крем. Давайте-ка подберем вам что-нибудь с пантенолом... Он хорошо заживляет. А Виолетта пока принесет все сертификаты.

– Девушка, я хочу сделать подарок своей бабушке. У нее часто болит голова. Что посоветуете?

– Хм... Возьмите подушечку с полынью, цветками герани и лугового клевера. Ее можно класть на ночь возле головы или под обычную подушку. – Она прищурилась и добавила полупшепотом. – А еще за углом есть ортопедический магазин, знаете, проблема может быть в неправильном положении шеи.

– Эмма, я все слышу. Опять клиентов распугиваешь? – крикнула Виолетта с притворным укором и подошла к растерянному молодому человеку. – На самом деле она права, лучше всего это работает в комплексе. Кстати, а у бабушки дома еще нет аромалампы?

Эмма вздохнула. Так было еще недавно. Но в последние дни даже игривая магия магазина куда-то улетучилась. Работать стало тяжело. Задачи выполнялись медленно. Поблекли бывлые усидчивость и красноречие. Среди людей становилось душно и мутило.

Виолетта уговаривала Эмму взять передышку, настаивала на отпуске, но как можно бросить магазин на других в начале лета, в самый разгар посещаемости? Да и страшно теперь оставаться наедине с собой так надолго.

День вышел загруженным, и Эмме пришлось игнорировать жалобно урчащий желудок несколько часов подряд. Пообедать удалось только ближе к закрытию. Как раз в тот самый

момент, когда она прикончила остывший, но до безумия вкусный вок с креветками, заказанный в любимом китайском ресторанчике, и собиралась с духом, чтобы вернуться из подсобки в торговый зал, смартфон задрезжал на твердой поверхности стола. Сердце тревожно загрохотало, словно предчувствуя неладное.

На дисплее высветилось имя сестры. Странно. В прошлом месяце Эмма уже звонила Наташе сама. Как обычно, они сухо обсудили насущные дела и распрощались еще на несколько месяцев. Неужели у Наташи проснулась совесть, и она решила почаще интересоваться жизнью Эммы? Вряд ли. Наверное, ей просто что-то понадобилось или... случилось что-то нехорошее. От этой мысли она невольно сгорбилась.

Эмма приняла входящий звонок, прижала к уху прохладный экран и настороженно, почти по-деловому, произнесла:

– Да, слушаю.

– Эмма? – робко проговорила сестра.

– Ну да. Вроде с утра была Эммой, – с какой-то язвительностью, сама не зная зачем, отозвалась она. – А ты надеялась, что ошиблась номером?

– Мне очень нужно с тобой встретиться, – Наташа не отреагировала на колкость, но в ее хриловатом голосе звенело явное волнение.

– Ну... Мои двери для тебя всегда открыты, жду в любой день, – смягчившись, ответила Эмма.

– Приезжай в дом на озере. Это срочно. Мне нужно тебе кое-что передать, – в разговор врывались свист и треск, заставляя серьезно напрягать слух, чтобы разобрать сказанное.

«Дом на озере» – при звуке этих слов сквозь грудь прошел горячий укол. Так они называли тот самый дом еще в детстве.

– Ты же знаешь, что я работаю. Вот только вернулась с выходных. Раньше, чем через три дня, никак не получится. Лучше будет, если ты сама...

– Это очень важно! Как можно скорее. Слы... ш... Эмма? К...к... ш-ш-ш... скорее! – словно не услышав ее, продолжала твердить сестра, теряя части слов в телефонных помехах, и потом связь прервалась.

Эмма попробовала перезвонить, но сестра больше не отвечала. Вот упрямая! Все должно быть, как изволит ее величество, и никак иначе.

Девушка решила не уходить до закрытия, чтобы поделиться произошедшим с Виолеттой и посоветоваться, как лучше поступить.

– Конечно, поезжай! Я ведь давно говорила, что тебе нужен отпуск. Подышишь свежим воздухом. Развеешься. А тут еще такая возможность наладить отношения с сестрой...

– Она сказала, что хочет мне что-то передать. Что бы это могло быть?

– Ну, даже не знаю. Может, какую-нибудь семейную реликвию. Или фотоальбом. Вдруг это поможет тебе все вспомнить. Такой шанс нельзя упускать. – Виолетта легонько толкнула ее в плечо. – Решено. С завтрашнего дня ты в отпуске. Так что, как придешь домой, сразу собирай чемодан. И даже не вздумай с этим затягивать и сомневаться. А то я тебя знаю...

– А как же магазин?

– Справлюсь как-нибудь. В крайнем случае попрошу девчонок поработать несколько лишних дней за сверхурочные.

– Спасибо, Виолочка. Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Буду перед тобой в долгу.

– Ну какие долги! Умоляю, избавь мои уши от этой чепухи. Для чего еще нужны подруги?

Глава 4

3 июня, понедельник

Выходя с работы, после такой уверенной поддержки Эмма окончательно утвердилась в своем решении. Но уже дома, собирая чемодан перед сном, она вдруг снова распереживалась. А как отреагирует сестра, узнав, что она приехала погостить не на денек-другой, а собирается остаться на целый месяц? Наверняка, Наташа будет недовольна, разозлится, отчитает или, еще хуже, просто начнет игнорировать ее, как раньше. Люди ведь так быстро не меняются. Уж по крайней мере, к лучшему.

Надо же. Вот глупая! Заслушалась чужими советами и нарисовала себе картинку трогательно-счастливого примирения. Ладно, ее подруга – безнадежная оптимистка и свято верит, что все в жизни зависит только от твоих поступков и положительного настроения. Но Эмма не так наивна. Она-то на своем опыте знает, что все не так просто. Другим людям и обстоятельствам бывает настолько плевать на твое мнение, образ мышления, намерения, старания и личные качества, что они могут превратить в руины в два счета весь твой позитив вместе с уверенностью в себе, а иногда и разрушить жизнь...

И все-таки там, в Синей Заводе, и ее дом тоже. Пусть в университетские дни Эмме было не до споров с сестрой, забот хватало. Да и в душе она была согласна с Наташей. Вернуться в Москву, где она провела большую часть жизни, было лучшим решением.

В июне рокового две тысячи восемнадцатого она успела подать документы в несколько университетов и отправилась коротать лето в Синей Заводе. Авария произошла в августе. Эмма, про которую врачи говорили «родилась в рубашке», очнулась уже сиротой и еще долго не хотела принимать новую реальность. Но ее тело уверенно шло на поправку и полностью восстановилось физически к октябрю первого года обучения. Ведь, как выяснилось, в один из вузов по результатам ЕГЭ ее приняли на бюджет. Раньше она бы порадовалась такой чудесной новости, но теперь не могла. Душевные раны продолжали кровоточить: то мучили острыми приступами боли, то изнурительно ныли, сдавливая сердце, и были далеки от заживления. Тогда сестра и настояла на возвращении, ведь откладывать учебу дальше означало бы погрузиться в горевание с головой, а впереди целая жизнь, и Эмма не имеет права сдать в самый ответственный момент.

И правда первое время казалось, что жизнь здесь стала входить в привычное русло, налаживаться, открылись новые перспективы. Эмма надеялась, что суэта ежедневных забот пусть не сотрет боль совсем, но хотя бы приглушит, поможет отвлечься и со временем построить все заново. Но ошиблась. Теперь она убедилась, что больше нельзя прятаться от воспоминаний. Да, психологи и психотерапевты пытались успокоить, твердили, что не получается вспомнить – значит, еще не готова. Так подсознание защищает ее от непосильной ноши, от непредсказуемых последствий глубокой травмы, что есть вещи, которых лучше не знать. Только, если бы это было действительно так, то для чего воспоминания продолжали врываться в ее сны все эти годы и теперь мучили каждую ночь? Если за почти шесть лет, несмотря на невероятные усилия, так и не удалось забыть, значит, для нее важно что-то узнать. Зачем? Кроме нее самой, ответ могли помнить только Наташа и «Дом на озере». И если сестра отказывается говорить, то больше никто не помешает Эмме посмотреть в стеклянные глаза когда-то покинутого дома и прочесть в них, что у него на душе.

С такими мыслями она улеглась в постель и укрылась одеялом по самый подбородок: вдруг стало прохладно. Йоши, до этого спавший в мягком собачьем домике на полу, тоже запрыгнул на кровать, пролез под одеяло, совершив подкоп носом, и пригнулся в ногах.

Около полуночи по стеклу забарабанили крупные капли дождя.

«Как же ей успевать ложиться до одиннадцати каждый день, если магазин закрывается в девять? А еще дорога и домашние дела...»

Небо сбрасывало лишний груз, избавляясь от накопившегося в воздухе за день напряжения. Листья за окном шептались и суетились, боясь последовать за только что сбитыми с ветки соседями. Земля принимала как дар и жадно впитывала холодные капли воды разогретой кожей. Эмма зевнула и сразу провалилась в сон.

Впервые за долгое время ей ничего не снилось.

«Наверное, таблетки начали действовать. Должен же быть и на моей улице праздник», – подумала Эмма, открыв глаза с утра. – «Или это знак, что я наконец приняла правильное решение и двигаюсь в нужном направлении?»

Электричка отправлялась с Восточного вокзала в девять. Эмма поднялась по будильнику полвосьмого, не спеша собралась и приехала сюда на такси. Если бы знала, каким безмятежным будет сон этой ночью, запланировала бы более поздний выезд.

К счастью, не многие уезжают из столицы в понедельник с утра пораньше, а чаще, наоборот, едут в это время в город на работу, так что вагон оказался почти пустым.

Эмма пристроила свой маленький черный чемоданчик у стены между сиденьями, достала Йоши из приспособленной сверху сумки-переноски и усадила к себе на колени.

Последний раз девушка пользовалась электричкой, когда уезжала из поселка Синяя Заводь, как она тогда думала, навсегда.

«Дом на озере» на самом деле располагался на берегу реки возле небольшого залива с песчаным пляжем, где они с сестрой так любили купаться. Стоял по соседству с несколькими такими же частными домами и когда-то казался ей настоящим замком.

Достался он им от деда по маминей линии, который стал директором местной ткацкой фабрики еще при СССР, в 1967 году. Правда, в девяностых из-за роста цен на хлопок и конкуренции с дешевым импортом из Китая фабрика закрылась.

Мама выросла, уехала учиться в Москву, вышла замуж за отца и осталась в большом городе. Еще некоторое время после смерти бабушки и деда они приезжали сюда вместе с детьми на выходные и праздники, вплоть до того, как Эмма пошла в начальную школу, а потом решили сдавать дом, чтобы отложить дочерям денег на хорошее образование. (Хоть Эмма и поступила на бюджетное место, эти деньгигодились ей после гибели родителей).

В старших классах Эмма стала часто болеть, и мама вбила себе в голову, что местный свежий воздух и покой помогут дочери оздоровиться получше всяких морей. Поэтому последние два года обучения летние каникулы она снова провела в Синей Заводе. Те самые два года перед аварией и стерлись частично из ее памяти.

Добираться поездом было не слишком удобно, раньше папа возил их в Синюю Заводь на машине. Но сама Эмма и помыслить не могла о том, чтобы когда-нибудь сдать на права и сесть за руль, такси казалось вполне достаточным испытанием.

Она сняла кроссовки, подтянула ноги на сиденье и, накинув на голову мягкий капюшон своего красного худи, прислонилась к окну. Под нестройную музыку стука колес перед глазами сменялись станции, пейзажи, люди проплывали безликими размытыми фигурами, но мысли ее уже были не здесь, они были в Синей Заводе, где смешались яркие детские воспоминания, пустота двух потерянных лет и волнительное, неясное предвкушение будущего.

Из размышлений ее выдернул неистовый перелай, который устроил Йоши с огромной немецкой овчаркой в устрашающем металлическом наморднике. Эмма шикнула на своего защитника и легонько щелкнула пальцем ему по носу, но тот не желал униматься, упиваясь писклявыми трелями и словно не принимая всерьез басистый брех из зубастой пасти в метре от него. Благо, хозяйин овчарки, которого нелегкая занесла аккурат в ближайшую дверь к при-

станицу Эммы и ее «грозного кобеля», среагировал быстро и утащил своего щеночка в соседний вагон, а то мало бы ему не показалось.

Четыре подростка – два парня и две девушки (и когда они здесь успели появиться?), сидящих справа, через проход от них, все как один вжались в синие спинки кресел и замерли.

– Простите, бойцовская порода. Что поделать? Это у него в крови, – пожалла плечами Эмма, кивнув на Йоши, и по полупустому вагону прокатилась прерывистая волна смешков.

Подростки пришли в себя и начали что-то обсуждать, эмоционально размахивая руками.

Девушка проверила время на смартфоне. Прошло уже два с половиной часа. Осталась всего пара остановок – и она на месте. Но сообщение, которое она написала сестре перед отправлением так и не было прочитано. Тогда Эмма решила позвонить, но сестра снова не отвечала.

«Наверное, еще спит».

От станции до поселка они добрались на маршрутке за двадцать минут. Выйдя, Эмма наконец от души потянулась и размяла затекшие от долгого сидения конечности. Йоши тоже был несказанно рад вновь обретенной свободе и с жадностью обнюхивал длинные зеленые стебли, торчащие из трещины в асфальте на углу остановки.

Гремя колесиками чемодана по выпуклым полоскам «зебры», Эмма перешла на другую сторону дороги.

Влажная после дождя трава пыталась согреться под белым полуденным солнцем, но воздух был еще прохладным. Над дорогой, что вела к поселку через луг, стелился туман, его озябшие пальцы искали укрытия под краями одежды, забирались под ткань и рассыпались мурашками по животу, спине и шее. Эмма вздрогнула, скрестила руки на груди и растерла плечи. Постояла немного, взглядываясь в сизую дымку, и решительно шагнула вперед.

Двухэтажный кирпичный дом, встретивший ее многозначительным молчанием, как блудную дочь, теперь не казался таким уж огромным, хотя полукруглый балкон на втором этаже – продолжение эркера на первом, в детстве исполнявший роль башни замка, сохранил в себе ту самую атмосферу сказки.

Кованая калитка в высоком заборе из дерева и кирпича, оказалась не заперта и с восторженным писком пропустила бывшую хозяйку во двор.

Девушка прошла через сад по дорожке к крыльцу мимо нескольких фигурок садовых гномов с горшками и корзинками, фруктами и овощами-переростками в руках.

К удивлению Эммы, не заперта была и входная дверь. Сначала девушка нажала на кнопку звонка, потом постучала, и, так и не дождавшись ответа, повернула ручку и вошла.

– Наташа! Ната-аш! Я приехала! Спишь еще, что ли? – крикнула Эмма с порога.

Ей ответила тишина.

Девушка пристроила чемодан рядом с диванчиком в прихожей, посадила Йоши обратно в переноску, чтобы не напугал сестру своим неожиданным появлением и ничего не запачкал. Прошла по коридору мимо гардеробной и санузла, не заглянув в кухню и гостиную, прямо к приоткрытой двери спальни, толкнула ее и заглянула внутрь.

– Наташ, ты здесь? Это Эм... – не договорив, девушка охнула и прижала ладонь к губам. В спальне не оказалось никого, кровать была заправлена, накрыта покрывалом, хоть и не очень аккуратно, но стул перед туалетным столиком оказался опрокинут. А главное – когда Эмма проскользила взглядом от зеркала до двери, наткнулась в нескольких местах на бордовые пятна и капли.

«Это что, кровь?»

Обернувшись, она посмотрела вниз и теперь разглядела красно-коричневые отметины и на полу в прихожей.

Так и не зайдя внутрь спальни, Эмма подбежала к двери туалета и постучала. Не услышав ответа, она повернула ручку, дернула дверь на себя. Там тоже никого не было. Тогда она забежала на кухню, в гостиную, поднялась на второй этаж.

– Наташ, ты где? Что случилось? Ты порезалась? Тебе плохо? – в надежде на лучшее продолжала звать Эмма.

Но голос таял в безразличном молчании комнат. Дом был абсолютно пуст.

Наконец отчаявшись, Эмма вытащила смартфон из кармана худи и дрожащей рукой набрала номер полиции.

– Моя сестра, она куда-то исчезла. Она должна была ждать меня в гости. Но в доме пусто, – сбивчиво затараторила она в трубку.

– Девушка, постарайтесь успокоиться. Как давно пропала ваша сестра? – ответил женский голос диспетчера, одновременно строго и успокаивающе.

– Н-не знаю. Я не могу сказать точно. Я только что приехала. Последний раз мы разговаривали по телефону вчера... днем.

– Как думаете, могла ваша сестра выйти ненадолго в магазин или, к примеру, забыть о встрече?

– Нет. Не думаю... Стул... стул у зеркала перевернут, и тут кругом пятна крови, в спальне и прихожей, – наконец Эмма сообразила, что не упомянула самое важное, что повергло ее в такой шок.

– Назовите адрес места происшествия.

Эмма продиктовала адрес дома.

– Отправляю к вам машину. Ожидайте. Старайтесь ни к чему не прикасаться, не передвигайте предметы, не убирайтесь, не вытирайте никакие следы.

– Да, конечно.

Не в состоянии унять дрожь, объявшую все тело, Эмма вернулась к входной двери, стараясь не наступать на красно-бурые пятна на полу. Она выругалась шепотом, заметив, что одно все-таки уже успела размазать, подхватила переноску с Йоши, который теперь жалобно поскрипывал, царапая сетку, и вышла во двор.

Эмма покрутилась у крыльца пару минут, не зная, куда себя деть. А потом, спотыкаясь, прошла по плиточной дорожке к деревянной беседке, села на скамейку и стала ждать. Пальцы нервно постукивали по поверхности стола. Мысли лихорадочно носились в голове, ударяясь о стенки черепной коробки, отскакивая, натываясь одна на другую. Эмма пыталась ухватиться хотя бы за одну здравую, найти в ней временное успокоение, но все они оказывались отрывочными, покалеченными и быстро ускользали. Вскоре дом окутала суета. Зазвучали сирены. Прибыли служебные машины.

Эмма подписала заявление о пропаже сестры, еще раз кратко объяснила, как все произошло, и участники следственно-оперативной группы принялись осматривать дом и прилегающую территорию, попросив девушку подождать. Через какое-то время к ней снова подошел следователь.

– Не волнуйтесь раньше времени. Если обнаруженные следы крови принадлежат вашей сестре, то вполне возможно, Наталья поранилась и вышла попросить помощи. В спешке могла уронить стул. Такое случается сплошь и рядом. Большинство пропавших находятся в первые двое-трое суток, и никакого криминала, – подкинул утешительную версию крепкий мужчина за сорок с легкой степенью небритости. – Мы не выявили очевидных следов борьбы или незаконного проникновения. Она может быть у кого-то из соседей или в больнице. Мы уже начали опрашивать жителей поселка и проверять медицинские учреждения, отделения полиции.

Прошло уже несколько часов, но голова все еще немного кружилась и в ушах стоял тихий гул. Эмма слышала голос следователя приглушенно, словно сквозь толщу воды. Кивала и косилась на распахнутую дверь дома, где то и дело мелькали члены следственно-оперативной

группы: кто-то в полицейской форме, кто-то в штатском, кто-то в защитном костюме и с чемоданчиком в руках. Они передвигались по дорожке ко входу и обратно, обходили дом вокруг, переговаривались, что-то фотографировали, записывали... Кинолог со служебной собакой к этому времени куда-то исчезли.

– Об этом не переживайте, это стандартная процедура, – заверил следователь, пытаясь поймать ее бегавший взгляд. – Можете предположить, к кому из соседей первым обратилась бы ваша сестра, будь у нее проблема? Возможно, с кем-то она больше контактировала, дружила? – Следователь пригладил рукой короткие, темные с проседью волосы.

– Простите, но я понятия не имею. Мы почти не общались последние годы. А тут она вдруг позвонила, попросила приехать и... – Эмма наклонила голову и разочарованно ей покачала. – Боюсь, не смогу тут помочь... Ах да, Наташа сказала, что хотела мне что-то передать, – вдруг оживилась она.

– Вы догадываетесь, что это могло быть?

– Не знаю. Это могло быть, что угодно. Фотоальбом, к примеру, – повторила она догадку Виолетты. – Или какая-то детская памятная вещь.

– Вы сказали, что отправились сюда из Москвы на электричке в девять утра, верно?

– Да, все верно.

– Вы оплачивали проезд в кассе?

– Да, вот. Оплатила банковской картой, – Эмма протянула ему смартфон с уведомлением о списании средств.

– А билет остался?

– Да. Кажется, остался. Секунду. – Порыскав в просторном кармане худи, она нащупала смятую бумажку и отдала мужчине.

– Я оставлю его себе. Вы же не против?

Эмма кивнула.

Следователь сидел напротив нее за столом в беседке, говорил спокойно, даже сочувственно, терпеливо выслушивал, уточнял и записывал ответы, не торопил. С момента приезда прошло уже несколько часов, и Эмме пришлось прервать его и сообщить о желании воспользоваться старым туалетом, расположенным во дворе, потому что терпеть уже не было сил. Когда она вернулась, следователь задавал еще много вопросов, серьезных и, как казалось Эмме, незначительных, не имеющих отношения к делу. Позже он вновь присоединился к коллегам, а спустя еще какое-то время заявил, что они провели осмотр места происшествия, взяли образцы пятен, сняли отпечатки пальцев, изъяли некоторые Наташины личные вещи, которые могут представлять интерес для следствия, – в общем, выполнили все необходимые манипуляции, и она может вернуться в дом.

Полковник Быков Евгений Романович оставил свои контакты и велел звонить, если Эмма что-то вспомнит, захочет узнать или появятся новые обстоятельства. А также предупредил, что в ближайшие дни может вызвать ее для дачи свидетельских показаний и составления официального протокола. Вскоре группа распределилась по машинам и уехала, оставив Эмму и Йоши со случившимся наедине.

Глава 5

Когда все закончилось, девушка не сразу осознала, что на улице почти стемнело и загорелись фонари, был уже вечер. Эмма зашла в дом, забралась на диван в прихожей, скрестила ноги и устала в одну точку перед собой.

Йоши тоже запрыгнул на сиденье, примостился рядом, прижавшись к бедру, и заснул.

В голове было совсем пусто.

В чувство Эмму привел тихий стук в дверь.

Йоши тут же встрепенулся и напряженно зарычал. Эмма подхватила собачонку на руки, подошла к двери и отворила, решив, что вернулся кто-то из служителей закона.

На пороге оказался бритоголовый амбал в цветастой рубашке и с длинным неровным шрамом на лице, начинающимся под глазом и проходящим через верхнюю губу.

– Здравствуйтесь... А вы, наверное, из полиции? – предположила она. – Что-то еще от меня требуется?

Эмма смотрела на позднего гостя вопросительно снизу вверх.

– Это ты заблокировала мне ворота своим розовым недоразумением? – проигнорировал он вопрос.

Йоши замолк, но наострил уши и, наклонив голову набок, внимательно смотрел на говорящего.

– Простите? О чем именно речь? – не поняла Эмма.

– Знаю, что у тебя тут весь день крутились менты, и припарковаться у дома было не вариант. Но нельзя же бросать свою барбивозку, где приспичит.

«Вряд ли это полицейский. Скорее, какой-то бывший экз», – подумала Эмма и нервно сглотнула.

– Извините, пожалуйста, но я ничего не понимаю... Могли бы вы изложить претензию подробнее?

– Говорю, я до вечера прождал, когда ты откатаешь свое пежо, французский городской! Как тебе еще объяснить-то? На русском матерном, может, понятнее будет? У тебя тут беда вроде, не хотел беспокоить, но мне завтра в город ехать с утра.

– А... – наконец сообразила Эмма. – Кто-то оставил у ваших ворот свою машину? Но это точно не я. У меня и машины-то нет.

– Ну капец. Приехали. Неужели кто-то из местных что попутал? Раньше таких косяков не возникало, вот и подумал... Ладно. Не ты – так не ты. Пойду я тогда. Кто же это мог быть?

Громила развернулся и зашагал обратно, продолжая что-то бубнить.

– Мог бы и извиниться, – пробурчала Эмма себе под нос и уже собиралась захлопнуть дверь, как тот обернулся.

– Что сказала?

– Я? Да я просто, – ее глаза забегали от волнения, взгляд поник. – У вас на правом кеде подошва отошла, – нашлась Эмма и указала пальцем на гигантскую стопу амбала.

– И правда. Обувь сейчас делают ни к черту... Купил только на прошлой неделе.

– Зайдете в дом? У меня, кажется, был суперклей. – И зачем она это сказала? Кто за язык тянул?

– Давай, что ли. А то по дороге совсем отвалится.

Эмма судорожно рыскала в тумбочке, где папа хранил мелкие инструменты, пока гость снимал обувь и пытался раздавить жалобно скрипящий под ним диван.

Но, кажется, Йоши он понравился. Хотя Йоши, как Эмма успела заметить, по непонятной причине нравились вообще все двуногие. То ли от щенячьей наивности доморощенного

питомца, не знавшего людской жестокости, то ли из-за врожденной безоглядной преданности человеку, о которой гласит известная пословица.

Песик вилял хвостом и обнюхивал штанину громилы, а потом тоже решил испытать диван на прочность, запрыгнул и полез к гостю на колени.

– Что за невоспитанное животное! – выпалил амбал.

– Простите. Он еще щенок. Командам почти не обучен.

– Щенок! Тоже мне. Какое-то маленькое недоразумение.

«Похоже, недоразумение – у него любимое слово. Еще и животных не любит».

Эмма настороженно относилась к людям, которые не любят животных.

– Ну вот, нашла! – наконец воскликнула девушка, разогнулась и протянула громиле тубик с клеем.

Тот молча схватил его здоровенной ручищей и принялся заклеивать кед. Хорошо, хоть не заставил ее это делать. И на том спасибо.

– Меня, кстати, Эмма зовут.

– Владислав, – не поднимая головы, буркнул амбал.

Ожидание, когда высохнет быстросохнущий клей, длилось вечность. Владислав сидел молча, сгорбившись, раскачивал корпус и барабанил пальцами по обивке дивана. На попытки заговорить отвечал односложно или просто кивал.

Эмма, от греха подальше, снова взяла Йоши на руки и бродила из одного конца прихожей в другой. Почему-то оставлять гостя без присмотра не хотелось, да и здесь ближе к выходу – больше шансов сбежать.

– Клей-то раньше, чем через два часа не схватится, – вдруг выдал амбал.

– Как? Он же моментальный.

– Так это только название, в инструкции другое написано, – пожал он плечами.

– Но мы не можем так долго ждать. Уже поздно. – Эмма перехватила Йоши поудобнее и сосредоточенно почесала бровь, будто это помогало активировать функцию поиска решений. – Тогда давайте я вам папины сланцы дам. А свою обувь в пакет положите, – смекнула она.

Амбал кивнул.

К счастью, набор дежурных сланцев на всю семью оказался там, где она и ожидала – в обувной тумбе в гардеробной. Наташа их не выкинула.

Ножища гостя с трудом поместилась внутрь. Хоть отец и был высоким мужчиной с сорок третьим размером обуви, резиновая перемычка крепко врезалась в широкую стопу Владислава, а пятка свисала с подошвы.

– Ну, пойду я, – попрощался он уже с крыльца. – А тапки завтра тебе занесу.

– Да не надо, что уж там. Оставьте себе, – махнула рукой Эмма, нервно хихикнув.

– Как знаешь. Если что, звони...

Эмма хотела было спросить, что значит это «если что» и куда звонить, но вовремя спохватилась и промолчала. Проводив взглядом квадратную спину Владислава, она с облегчением выдохнула и заперла дверь.

Желудок душераздирающе заурчал. Безумно хотелось есть и спать одновременно. Эмма прошла на кухню, достала найденную в буфете запечатанную пачку печенья, открыла и на ходу сунула в рот отломанный кусочек. Пережевывая его всухомятку, вернулась за чемоданом, достала несколько консервных банок с кормом для Йоши и открыла одну. От густого мясного запаха потекли слюни. Но она решила, что еще недостаточно отчаянна, чтобы соблазниться собачьим питанием, а из человеческого в опустевшем доме печенье показалось ей самым безопасным. Эмма не могла ручаться за свежесть открытых продуктов в холодильнике. Пес же не привередничал и разделался с едой в два счета.

Запив печенье водой из чайника, Эмма подхватила собачонку одной рукой, в другую взяла чемодан и потащила на второй этаж.

В спальне, той самой, с выходом на балкон, оказалось довольно пыльно. Видно, Наташа почти не пользовалась вторым этажом и убирала здесь редко. Конечно, утомительно следить за таким большим домом одной.

Надо бы навести порядок. Но все это уже завтра.

В ванной же, напротив, было ожидаемо чисто. Ведь на первом этаже находился только небольшой санузел с раковиной и унитазом, а полноценно помыться можно было только здесь. Сходя в туалет и наспех умывшись, Эмма поставила смартфон на зарядку, легла на кровать в верхней одежде прямо поверх покрывала, завернулась в него, прижала к себе Йоши и вскоре крепко уснула.

***

Посреди ночи ее разбудил надрывный визгливый лай.

– Йоши? Ты чего?

Было слышно, как песик скребет по двери передними лапами. В качестве ответа на хозяйкин вопрос он требовательно заскулил, как часто делают собаки, если, к примеру, хотят достать застрявшую где-то под мебелью игрушку или кусочек лакомства.

Было совсем темно, поэтому Эмма нащупала на тумбочке смартфон, включила фонарик и посветила в сторону выхода.

Йоши завилял хвостом и стал призывно лаять, словно просил хозяйку пойти с ним.

– Ну что тебе, Йоши? Зов природы? – зевнув, догадалась Эмма. – Вот же... Почему именно здесь совесть проснулась? Дома он не спрашивал, прежде чем сделать лужу мимо лотка... Сейчас, сейчас. Выйдем.

Она поставила ноги на пол и замерла на секунду, потому что закружилась голова. Видимо, поднялась слишком резко.

В этот момент до ушей донесся какой-то тихий глухой стук: «бум-бум-бум» – и пауза. А потом снова. Точно... Похоже на звук шагов по ступеням. Словно кто-то немного поднялся, остановился в неуверенности, прислушался и пошел дальше. Неужели сестра вернулась, как и говорил следователь? Сердце тут же ускорило ход – застучало радостно и взволнованно. Она вскочила с кровати и поспешила навстречу звуку.

– Наташа? Ты пришла? Не бойся, это я, Эмма, я с собакой приехала, – бормотала она по пути к двери.

А когда открыла, и правда увидела Наташу. Та стояла посреди темного коридора, как раз у выхода на лестницу.

Йоши прижался к ногам Эммы, оскалится и настороженно зарычал.

– Да тихо ты! – шикнула на него Эмма. – Наташ, ну слава Богу! Наконец-то. Где ты была? У соседей, наверное? Я так переволновалась. Приехала, а никого нет... и кровь еще... – голос Эммы погас, как догоревшая свеча, когда она почувствовала что-то неладное, и рассеялся в полумраке.

Сестра стояла неподвижно, как зачарованная, и смотрела куда-то сквозь нее. Эмма почувствовала, будто их разделяет стена комнаты для допроса, прозрачная только с ее стороны.

– Наташ? Тебе плохо? Скорую вызвать?

Эмма шагнула вперед, а сестра в это время медленно отвернулась и пошла вниз по лестнице.

«Что это? Неужто умом тронулась? Не надо было позволять ей так долго жить здесь одной», – подумала Эмма и последовала за ней.

Наташа спустилась в прихожую, где тоже было темно.

– А ты чего без света-то ходишь? Так и навернуться можно! – обеспокоенно произнесла Эмма.

Сестра продолжала двигаться медленно, ничем не выдавая, что слышит ее – ни жестом, ни звуком, ни поворотом головы. Даже не вздрогнула. Просто шла вперед целеустремленно и ужасающе безмятежно.

На ней было белое длинное платье без рукавов в мелкий цветочек, напоминавшее ночную сорочку. Конечно, вряд ли это могла быть сорочка, если она только что вернулась. Длинные каштановые волосы доставали почти до пояса и выглядели сильно растрепанными. Руки в белом свете фонарика казались очень бледными, даже синюшными.

Сестра открыла дверь в спальню и вплыла внутрь, а Эмма осталась стоять на пороге.

– Может, ты мне все-таки хоть слово скажешь? Или так просто пойдешь спать, делая вид, что меня здесь нет? – Эмма скрестила руки на груди, к горлу подступил удушливый комок из тревоги и обиды.

Наташа остановилась, но оборачиваться не стала. Так значит, она все прекрасно слышит! Это поведение взбесило Эмму. Злость затмила смятение и все другие чувства.

– Слушай, ты ведь сама меня позвала. Я думала, что-то изменилось, и мы сможем найти общий язык наконец. Я ошиблась? Я что, зря приехала? Эй, ты слышишь меня?! Говори! – Эмма вскинула руку, желая одернуть сестру за плечо, но что-то ее остановило, а в комнате вдруг сам собой загорелся свет.

Теперь девушка не могла пошевелиться, не могла ничего сказать, а только наблюдала за происходящим.

– Нет... нет! Ты меня не получишь! – Наташа держалась за голову и ходила кругами по комнате. По лицу ее текли слезы. Она всхлипнула и вытерла их рукой, размазывая тушь.

«О ком она говорит?»

– Я слишком долго скрывала, чтобы позволить тебе... Я ведь сразу тебя раскусила.

Свет люстры начал мигать, время от времени погружая комнату в темноту на краткие мгновения и вырывая куски картины, разворачивающейся перед Эммой. В следующий момент Наташа уже стояла у зеркала.

– Хорошо. Хорошо. Значит, время пришло.

Наташа села на стул, взяла расческу, несколько раз провела по волосам, а потом пригладила их руками и улыбнулась своему отражению. Она взяла в руки бутылку кофейного ликера, стоявшего там же, на столике, покрутила. Поставила на место.

– Надеешься лишить меня рассудка? Обвести вокруг пальца? Но что ты скажешь на это? Я. Бросаю. Тебе. Вызов. Я уничтожу тебя!

Она выдохнула и опустила голову, словно набираясь решимости, а затем резко взметнула ее и завопила. Свет на секунду погас, будто от ее крика лопнула лампочка. А когда загорелся вновь, Наташа в ступоре стояла напротив зеркала, опрокинутый стул валялся у ног, а на ее теле один за другим появлялись порезы. Сначала невидимые, они проступали на коже тонкими красными линиями, становились глубже, чернее, раскрывались, как голодные рты жадных до свежей плоти чудовищ. На зеркало брызнула кровь.

Отражение сестры посмотрело на Эмму безумными взглядом и засмеялось, зловеще, самозабвенно. Девушка похолодела от ужаса, но не чувствовала под собой пола, не могла сдвинуться с места или отвести глаза. Наступила полная тишина, словно кто-то выключил звук. Кровавые брызги взмывали в воздух, их становилось все больше, они плыли по комнате, заполняя пространство багряным водоворотом.

Что-то внезапно резануло по левой ноге внизу. Эмма вскрикнула. И в тот же миг все исчезло.

Она стояла перед распахнутой дверью в спальню сестры. Горел свет. Но внутри никого не было.

– Наташ? – робко сказала Эмма, уже ни на что не надеясь.

Конечно, никто ей не ответил. Только Йоши скакал рядом, пытаясь забраться по ногам, он и задел острыми коготками кожу на оголенной щиколотке.

В запачканном зеркале у стены напротив теперь отражалась только сама Эмма. На столике не было ни расчески, ни бутылки ликера – должно быть, забрали для расследования. Стоп... Бутылка кофейного ликера. Точно! И как она не заострила на этом внимания? Ведь правда, вчера, когда она зашла в дом, бутылка здесь была. Вот только Наташа терпеть не может кофе ни в каком виде и ни за что не купила бы подобный напиток! Ее принес кто-то знакомый, и она впустила его?

Неужели сестра так пытается ей что-то сказать? Но было столько ужасных порезов и крови. Если все увиденное правда, то, выходит, она мертва? Нет... Эмма мотнула головой, будто стряхивая с себя наваждение. Не обязательно. Это может быть лишь метафора. Знак, что кто-то пытался причинить ей вред, напал... Тот невидимый, к кому обращалась Наташа, но не смогла показать. И не смогла разглядеть Эмма, потому что... не знает или не помнит его?

Если это не просто очередная побочка от нового лекарства и бурное воображение. В конце концов, она не в первый раз видит ночной кошмар, и далеко не все в них бывает реально. Но чтобы ходить во сне... Надо будет обязательно сказать об этом психотерапевту...

Эмма закрыла дверь, зашла в соседнюю комнату и села на диван. Если она снова вздумает гулять во сне, не хотелось бы рисковать и спускаться по лестнице вслепую. Лучше уж до утра она останется здесь, в гостиной.

Девушка встала и подошла к окну, чтобы задернуть шторы. На втором этаже в соседнем доме горел свет. Чей-то темный силуэт замер у окна. Что? Кто-то за ней наблюдает? Эмма задвинула шторы резким движением и снова посмотрела через щелочку. Силуэт поколебался, удалился от окна, и через мгновение свет погас.

«Надеюсь, это не тот вчерашний амбал? До чего же жуткий тип... – подумала она с тревогой. – Хотя нет. Вряд ли. Тот был идеально равносторонний. А силуэт в окне выглядел более изящным, вытянутым, хоть и тоже, скорее всего, принадлежал мужчине. Но это точно не Владислав. Может, сосед просто заметил, что среди ночи зажегся свет и решил посмотреть, все ли в порядке? Верно. Не стоит себя накручивать».

Глава 6

4 июня, вторник

На месте небольшого продуктового магазинчика на перекрестке Речной и Сосновой улиц, который Эмма помнила с детства, теперь стоял сетевой супермаркет «Амням», издали заманивая покупателей своей красно-белой вывеской с вилкой и ножом на тарелке. Девушка пришла сюда перед обедом.

После утренней уборки и чашки крепкого кофе в доме посвежело и стало уютнее, а голова прояснилась. К тому же прогноз погоды на день обещал возвращение солнца и тепла.

Проснувшись около десяти, Эмма позвонила следователю Быкову и рассказала о своем замешательстве относительно бутылки кофейного ликера. Тот поблагодарил за новую полезную информацию и просил сообщить, если вспомнятся еще какие-нибудь детали, даже незначительные. Но тут же добавил, что Наталья вполне могла приобрести напиток для кого-то в подарок. К сожалению, проверка больниц и опрос соседей пока не дали никакого результата, а собранные образцы крови совпадали по группе с Наташиной, оставалось дожидаться результатов экспертизы ДНК, но Евгений Романович велел не отчаиваться. Ведь крови было не так много, чужих следов и свежих отпечатков пальцев не обнаружили. На Наташин телефон, найденный в комнате, подозрительных звонков и сообщений не поступало. Рабочий компьютер тоже оказался чист.

Голос следователя звучал бодро и убедительно, в этот раз Евгений Романович говорил как-то по-отечески, словно старый знакомый, даже перешел на «ты»: «Ну и что нос повесила? Найдем мы твою сестру. Ты уж, наверное, нарисовала себе всяких ужасов. Думаешь, держит ее в подzemелье какой-нибудь маньяк-мучитель? Выбрось из головы. Это тебе не Москва. Здесь тихо, спокойно. Маньяков это место с шестидесятых не видело. Да и то был единичный случай. Вас с сестрой тогда еще и в планах не было, меня, собственно, тоже. А что тут частенько бывает? Да вот что. Подрались по пьяни, загуляли, да пропали на пару дней, своровали что-то по мелочи. Все дела житейские, все тут друг у друга на виду. Кто-нибудь да узнает твою Наталью, позвонит со дня на день. А если в лесу заблудилась, так и там отыщем. Ты что, думаешь, мы тут на месте сидим?»

Странно, но эта речь и его уверенность Эмму как-то приободрили. В конце концов, если отбросить эмоции, ни на какого маньяка это действительно не похоже. Где водятся такие маньяки, которые выкрадывают жертву из дома, вытирают за собой следы и отпечатки, а кровь оставляют? Все должно быть гораздо прозаичнее. Возможно, Наташа сначала сама остановила кровь, а потом уже вышла, в аптеку, к примеру, там кого-то встретила и где-то задержалась. Точно. Знакомые не смогли уговорить ее поехать в больницу, Наташа ведь упрямая как осел, но и не отпустили ее одну домой с таким приличным порезом – может, для криминала крови было и немного, а для бытовой травмы вполне достаточно, чтобы перепугаться, вот они и уговорили ее остаться на ночь на всякий случай. Поселок не такой уж маленький, разве всех успеешь опросить. Подвезли на машине на другой конец. А не позвонила она, потому что забыла телефон, а номер Эммы наизусть не помнит. Не заперла дверь, потому что не думала, что уйдет надолго, а в поселке, как сказал следователь, тихо, спокойно, бояться нечего.

Вот вернется Наташа, а тут рыдающая сестра-размазня, и по комнатам ветер носит перекапти-поле из накопившейся пыли. Нет. Так не пойдет. Поэтому она привела в порядок себя и дом, провела ревизию продуктов на кухне. Запасы круп, молока, масла, консервов, замороженного куриного мяса и овощей в холодильнике оказались внушительные. Похоже, Наташа не была любительницей часто ходить в магазин, а предпочитала закупаться всем необходимым и долгохранящимся на месяцы вперед.

На завтрак Эмма отведала белковый коктейль из пакетика, найденного в буфете между пачками салфеток. А на подоконнике обнаружился бумажный каталог фирмы-производителя. «Фитледи» обещали, что этот клубнично-банановый напиток подарит не только море бодрости, здоровья, энергии, но и комфортное чувство насыщения не менее, чем на четыре часа. «Зачем тратить время на готовку и ломать голову над составом продуктов, если «Фитледи» уже все сделали за тебя?»

Заманчиво, но, видимо, Эмме до леди, а уж тем более «фит», еще было далеко. Хотя на лишний вес она не жаловалась, потому что иногда просто забывала про приемы пищи и могла поесть всего один раз за день. Но не в этот раз. Через час снова ужасно захотелось есть. Причем, взглянув на знакомые с детства салатные тарелки с белыми и розовыми космееми, она тут же вспомнила и до одури возжелала тот самый мамин омлет с сосисками – мама резала сосиски вдоль, выкладывала на маленькую сковородку вместе с ломтиками помидоров, заливала яичной смесью и присыпала сыром. А потом ставила на стол на этих самых тарелках вместе с хрустящим жареным хлебом. Ммм, пальчики оближешь! Но ни яиц, ни сосисок в холодильнике не нашлось.

Вот Эмма и отправилась в «Амням» набрать себе продуктов по вкусу для поднятия настроения, на всякий случай оставив записку на тумбочке для Наташи.

Она как раз подошла к колбасному отделу и принялась рассматривать витрину в поисках знакомых названий, когда сиплый голос у самого уха потребовал внимания.

– Деточка, прочитай-ка мне, это вот скидка за одну пачку или за две? А то я их знаю. Намельчат так, что и молодой-то не все заметит, – приговаривала старушка, тыкая пальцем в упаковку сосисок с желтым ценником. – Да и что молодым лишние пятьдесят рублей? А у меня лишней копейки не бывает. Только я в этих очках и подавно не разгляжу. Другие надо было брать, в которых газеты читаю... Да опять забыла.

– Это за две, бабуль.

– Так и знала. Хитрецы кругом. А куда мне одной две пачки? – Она повернула голову и сощурилась, рассматривая лицо Эммы, а глаза ее, поблескивающие, за толстыми линзами очков почти потонули в множестве складок и морщин.

– Так они в вакууме. Больше месяца еще пролежат. Съесть успеете. Все равно выгоднее получается.

– Да? Вот спасибо, какая умная девочка! Помогла старой, – женщина вытащила две упаковки с полки холодильника, сунула в тележку и уже собралась уходить, но вдруг развернулась. – Деточка, а ты, случайно, не Эммочка?

– Да, меня Эмма зовут, – изумленно отозвалась она. – Вы меня знаете?

– А как же ж не знать? Я тебя с пеленок помню. Ты Олегова дочка. Еще с дедом и бабкой твоими дружили. На одной фабрике работали. И про родителей твоих все знаю. Жалко-то как! Молодые ведь были совсем. Папка твой такой хороший мужик был, помогал мне то лампочку ввернуть, то табуретку починить. А ты ведь потом в Москву уехала. И как тебе там? Хорошо в городе обжилась? Или вернуться решила?

Пока Эмма собиралась с мыслями и переваривала полученную информацию, к старушке прилипла какая-то девчонка в короткой юбке.

– Валентина Петровна, ну возьмите каталог. Там хорошие витаминные комплексы есть. Для пожилых самое то. Еще функциональное питание. Готовить не надо. Еще хорошие шампуни и мыло ароматное, органическое, без всякой химии. И чистящие средства. Вы же любите чистоту? Вон смотрю, порошка набрали. А тут недорого и намного лучше... – она пихала женщине в руки такой же каталог, как Эмма нашла в доме, на подоконнике.

Так вот, кто тут главный распространитель. Не удивительно, для подростков самое то. В универе девчонки тоже баловались подобными подработками. Значит, Наташа, решила поддержать чужие начинания. На душе от этого почему-то стало приятно.

– Да остань же от меня, окаянная. Куда мне, старухе, эти ваши новомодные штуки? Хлеб с маслом – вот мое питание, функциональное. Сколько раз тебе говорить? Вот Эмме лучше предложи. Она молодая, да к тому же московская, ей нужнее будет.

– А вы недавно приехали? Приятно познакомиться. Я Катя, – тут же переключилась девушка. – Возьмите каталог. Полистаете, посмотрите. Вы не волнуйтесь. Это вас ни к чему не обязывает. Косметика уровня люкс, а цены приятно удивят. Есть пробники кремов, помады и парфюма. Вы такая стройная, наверняка, тщательно следите за фигурой. Присмотритесь к нашей линейке функционального питания. «Фитледи» – это красота, здоровье и качество, доступные всем. Мой номер на последней странице. Просто позвоните, и я доставлю выбранные товары на дом бесплатно, – тараторила она, не давая вставить и слова.

– Да я бы с удовольствием, но у меня уже есть такой, – с умиленной улыбкой, ответила Эмма, как только представилась возможность. – Дома нашла сегодня утром. Я что-нибудь выберу и позвоню.

– Нет-нет. Это невозможно. Каталог обновляется каждый месяц. Я только получила июньский. Ваш уже, наверняка, устарел. Вот, возьмите, не отказывайтесь, – настаивала девушка.

– Ну хорошо, спасибо, – согласилась Эмма, приняла гляцевую книжицу и положила в продуктовую тележку.

Когда юная предпринимательница наконец отошла от них, явно довольная результатом, и принялась за других посетителей, старушка взяла Эмму за руку.

– Ты заходи в гости, Эммочка, чаю вместе попьем. А то скучно мне одной. Я живу в пятом доме. Зеленом таком, одноэтажном, тут рядом, тоже на Речной улице, как и вы. Авось про деда с бабкой расскажу тебе что интересное. Ты ведь крохой была, когда они живы были, поди, мало что помнишь.

– Спасибо. Зайду, Валентина Петровна, – с улыбкой пообещала Эмма.

– Тьфу на тебя, Валентина Петровна! Баб Валя я, Эммочка. Баба Валя...

Поистине удивителен человеческий мозг. Ценник женщина разглядеть не смогла, а лицо Эммы, спустя столько лет, узнала. Кажется, теперь она и сама припоминала добрую знакомую старушку из детства, хоть образ и не был четким, черты сохранились в памяти очень приблизительно: очки, еще не такие глубокие, но все же морщинки, покрытые платком седеющие волосы, да и все, пожалуй. Так себе фоторобот. Под это описание подойдет половина российских старушек. Если тогда ей было хотя бы шестьдесят, то сейчас должно быть уже в районе восьмидесяти. Для этого возраста женщина восхитительно активна. Что ж, поговорить с кем-то Эмме не помешает. Может, потом и вместе с Наташей сходят. Здорово, что здесь нашлись близкие ее семье люди. Так спокойнее.

Когда она вышла, на пяточке у магазина образовалось небольшое столпотворение – человек тридцать местных жителей эмоционально что-то обсуждали, перекрикивали друг друга размахивали руками. Ближе к стене, хмуро обводя взглядом говоривших, стоял и вчерашний амбал. Его только не хватало! Эмма вжала голову в плечи и повернула в другую сторону, пытаясь улизнуть незамеченной, но горластая крупная шатенка неопределенного возраста ее окликнула:

– Девушка, ну куда же вы? Не проходите мимо!

Эмма обернулась и ткнула пальцем себе в грудь – мол, это вы мне?

– Да вам же. Кому еще? Неужели вам так безразлична судьба поселка?

– Мне? Эм... Н-нет. Не безразлична, конечно, – промямлила она.

– Вот тогда, оставьте свою подпись.

– А что это? – поинтересовалась Эмма и сделала несколько шагов вперед, чтобы взять из рук женщины какой-то документ, красующийся на строгом канцелярском планшете с металлическим зажимом.

Другие члены собрания разом замолкли в ожидании, что будет происходить дальше, и внимательно наблюдали за ней, отчего стало еще более неловко.

– А вы не слышали? Власти собираются закрыть наш музей фарфора. Вместо него оставят только маленькую экспозицию в краеведческом музее. А на том месте построят торгово-развлекательный центр! Еще один.

Толпа вновь оживилась и принялась подпевать на разные голоса:

– Возмутительно!

– Это же наша история!

– Точно. Какой-никакой интерес для туристов.

– А что потом? Фарфоровый завод тоже закроют? И где мне работу искать?

– Им только волю дай – снесут и школу, и краеведческий музей, и театр. Лишь бы пить, жрать и играть в автоматы! Нет, друзья, надо такое пресекать на корню.

– Ой, что творится! Развалить решили поселок наш...

Эмма под таким напором поторопилась взять ручку и подписала бумагу.

– Ну вот и славно! – широко улыбнулась шатенка, выставив на показ свои желтоватые лошадиные зубы, и грубым движением вырвала из рук планшет. – А я вас что-то не помню. Вы жалобу в администрацию области подписывали? Финансирование-то вроде выделяется, а дороги, как все были в колдобинах, так и остались. Поставят пластилиновую залипуху, а она через неделю разваливается, а в другом месте новая дырка... Вы, кстати, с какой улицы? У вас на неделе не было перебоев с электричеством?

– Ой, простите. Вспомнила, что у меня суп на плите. Бежать надо, а то сторит все, – попыталась отвертеться Эмма.

Тут раздалось несколько тихих щелчков, и члены собрания синхронно повернулись в сторону раскидистого дуба на газоне напротив магазина, под которым появился парень с профессиональной фотокамерой. В свободной серой рубашке с закатанными рукавами и джинсовых шортах, высокий, ладный. Лицо не разглядеть за большим круглым объективом, но Эмме было и не до того. Она наконец улучила момент, чтобы сбежать от докучливых активистов.

Позади таяли последние обрывки разговора:

– А-ну, Артем, иди к нам. Все нас фотографируешь, а тебя ни на одном снимке нет. Давай-ка запечатлим нашу дружную команду борцов за историческое наследие... – раскатисто потребовал мужской голос.

– Правильно. Пусть знают, осталась еще небезразличная молодежь, – подхватил женский.

Только Эмма выдохнула и расслабилась, довольная тем, что ей удалось смыться, хоть и придется теперь сделать небольшой крюк, как громкий автомобильный гудок из-за спины заставил ее подпрыгнуть и схватиться за сердце. Она отошла к обочине.

Из открытого окна розовой машины ей махала ручкой какая-то молодая блондинка. Они знакомы? А не тот ли это розовый автомобиль, на который вчера жаловался квадратный Владислав? Точно ведь... пежо, не иначе.

– Привет! Подскажи, что у них там за сборище? Что-то серьезное случилось? – проворковала блондинка сладким голоском.

– Угу. Музей фарфора хотят снести. Собирают подписи против...

– У-у-у. Ясно. Дело хорошее. Только терпеть не могу все эти собрания. Все равно еще дома наверно будут обходить...

Эмма понимающе кивнула.

– А ты здесь рядом где-то живешь? А то лицо, вроде, знакомое, но никак не соображу...

– Да я не отсюда. Вот приехала только вчера навестить сестру.

– Сестру? Не Наташу случайно?

– А ты откуда знаешь?

– А я ваша соседка, – блондинка склонила голову к плечу и состроила милое личико. – Меня Лика зовут. – Забирайся, подвезу. Ну надо же, как похожи!

Эмма тоже представилась, поблагодарила, села на соседнее с водительским сиденье и пристегнулась.

– Да не пристегивайся ты. На окраине движения почти нет.

– Я на всякий случай, привычка, – тихо оправдалась Эмма.

– Ну как тебе?

– Поселок? Да неплохо. Я часто бывала тут в детстве. Река, природа красивая. Ну и обустроен неплохо, все-таки не какое-то захолустье, вполне цивилизованно, как небольшой городок.

– Да нет. Я про машину.

– Машина? А... Хорошая машина. Едет бесшумно...

– Новая. Муж недавно подарил, – гордо заявила Лика.

– О... Молодец у тебя муж.

– Слушай, а что там за сплетни ходят? Вроде Наташа пропала. Говорят, даже полиция ее разыскивает, вчера ходили по домам, всех опрашивали. Меня как раз тогда дома не было.

– Да, – понурила голову Эмма. – Должна была меня в гости ждать. Приезжаю, а ее нет. Может, забыла, уехала куда-то. – Она умолчала о каплях крови, ни к чему об этом шептаться всему поселку.

– Вот как. Ну и дела. Так тебе скучно одной, наверное. Давай в гости. Вот мой дом. Видишь? Прямо рядом с вашим. Уже почти приехали. Мужа сейчас нет. Поболтаем по-девичьи.

«Надо же, какие здесь все общительные».

– У меня собака дома ждет. Голодная. Надо покормить. Может, попозже?

– Ну так давай к тебе.

От неожиданности Эмма не нашла, что сказать, и пришлось согласиться. Лика завела машину во двор, а затем они вместе дошли до дома Эммы.

Когда девушки оказались в прихожей, записка на тумбочке так и лежала нетронутой, а Йоши сидел в углу у двери и дрожал.

Поставив пакет с продуктами, Эмма стыдливо перевернула записку, как что-то личное, и подхватила песика на руки.

– Что это с ней? – заволновалась Лика.

– С ним. Это мальчик. Не знаю даже. Наверное, еще не привык к новому дому. Тише, мой маленький. Ты что, подумал, я тебя здесь оставлю? Да ни за что. Я всегда буду рядом, – она потерлась о его маленькую пушистую голову щекой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.